

Игорь Бойков

ЖИЗНЬ, ПРОЖИТАЯ НЕ ЗРЯ

Санкт-Петербург АЛЕТЕЙЯ 2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6-44
Б 77

Бойков И.

Б 77 Жизнь, прожитая не зря / И. Бойков. — СПб. : Алетейя, 2011. — 288 с.

ISBN 978-5-91419-499-1

Перед вами дебютная книга молодого русского писателя Игоря Бойкова. Но в современной литературе он не новичок, его произведения уже публиковались в толстых литературных журналах. Данная книга представляет собой сборник рассказов, повестей и новелл, объединенных одним грозным, как мрачно надвигающийся смерч, словом «Кавказ».

Кавказ, кавказская тематика — сегодня часто можно услышать, что тема есть, а автор, грамотно раскрывающий тему, отсутствует (и это при том, что о Кавказе, о Чечне пишут сейчас многие). Автора! Автора! Где автор? — вопрошает читательская публика.

Здесь он! Здесь, перед вами.

Игорь Бойков родился и долгое время жил в тревожном, почти воюющем Дагестане. Это его родные места, и в книге передан русский взгляд изнутри. В его рассказах есть все: чеченцы, дагестанцы, русские. Автор реалистично живописует то, что бы вы хотели знать о Кавказе. Да, суровый этюд этот подчас в багровых тонах, да, многим книга эта может показаться излишне натуралистичной или даже жестокой. Но это лишь зеркало, отображающее брутальную действительность происходящего. По-настоящему жесткая, бескомпромиссная и дико интересная книга.

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6-44

ISBN 978-5-91419-499-1

9 785914 194991

© И. Бойков, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

Жизнь, прожитая не зря

Старый Вагид умирал. Из его живота, дважды пронзённого широким, в ладонь, лезвием старинного горского кинжала, обильно сочилась кровь.

Обессиленный, он лежал на полу в своей сакле, на грубо выделанной овчине и, прикрыв тускнеющие глаза, дышал тяжело, отрывисто. Корявые, в жёстких заусенцах пальцы подрагивали, елозя по накинутому на него покрывалу. Запавший рот с тонкими, искусанными до крови губами был полуоткрыт. Стащенная с него впопыхах окровавленная шерстяная фуфайка валялась тут же на полу.

Жена Вагида — старая сгорбленная горянка, присев рядом на корточки, совала ему ко рту глиняную кружку с водой. По её выцветшему, иссечённому глубокими морщинами лицу струились слёзы, и она всхлипывала глухо.

Но умирающий не пил и даже не замечал протянутую кружку, его горячечные губы лишь дёргались конвульсивно. Тогда она попыталась приподнять рукой голову умирающего мужа, чтобы влить воду прямо в рот.

Но Вагид болезненно сморщился и захрипел, отворачивая лицо.

— А-а... а-а-а, — простонал он хрипло.

И, скрипнув зубами, выдохнул с шумом.

В сакле стоял гвалт. По ней бестолково метались ошалевшие люди. Громко голосила дочь Вагида — семнадцатилетняя Марьям. Голосила сестра Вагида, только что вбежавшая в дом. Голосила его племянница, примчавшаяся вместе с ней. Неловко топтался посреди комнаты сосед Гаджи-Али — именно он на себе притащил с улицы израненного кровником старика. Тут же, бормоча сквозь зубы ругательства, суетился племянник Магомед-Эмин — старший сын его сестры.

— Перевязать, перевязать его надо! — кричал он.

Ему никто не ответил. Все суетились возле умирающего и, толкая друг друга, галдели наперебой.

— Перевязать надо! Бинты есть? Или простыня чистая? — повторил племянник снова и потрянул жену Вагида за плечо.

Она подняла на него влажные глаза и глянула непонимающе, отрешённо.

— Простыню дайте какую-нибудь! И йод! — закричал он снова и, наклоняясь к ней, потрянул сильнее. — Йод нужен!

Но старуха лишь опустила голову, пробормотав что-то едва слышно.

— Нет, нет у нас бинтов! И йода тоже нет! — воскликнула Марьям и, в отчаянии заломив руки, зарыдала надрывно.

Магомед-Эмин выматерился громко, с ожесточением. И крикнул:
— Простыню тогда дай! Кровь остановить надо!

Марьям бросилась к сундуку, стоящему в углу комнаты, сорвала с него покрывало, далеко отшвырнув в сторону, и откинула тяжёлую, обитую железом крышку. Она, торопливо перебирая содержимое, оборачивалась и бросала отчаянные взгляды на корчившегося в агонии отца. Ей казалось, что тот вот-вот умрёт, не дождавшись перевязки. Марьям громко рыдала, некрасиво разевая рот и размазывая рукавом обильно струящиеся по щекам слёзы. Как назло, в сундуке с самого верху были навален ворох женских платков: лёгких цветных и тёплых шерстяных, под ними лежали толстые зимние фуфайки. Она выгребала их обеими руками наружу и разбрасывала в отчаянии по всей комнате. Большая белая простыня оказалась почти на самом дне.

— Вот. Возьми, — крикнула Марьям, бросаясь к Магомед-Эмину.

Племянник торопливо выхватил её из рук, изорвал на длинные лоскуты и, решительно отстранив женщин, присел возле умирающего.

— Сейчас. Сейчас, — торопливо забормотал он.

Подсунув руки под его спину, попытался приподнять. Вагид сморщил лицо и запрокинул голову. Тело его вздрогнуло, выгнулось с силой. По овчине медленно расплзлось густое красное пятно.

— Перевязать надо, — повторил Магомед-Эмин. — Перевязать.

Вагид захрипел в ответ и вдруг, опёршись на локоть, с резким усилием попытался приподняться сам. Племянник тут же проворно подсунул ему под спину лоскут простыни.

Но старик не глядел на неё. Не глядел он и на женщин, на скорчившуюся у него в ногах жену, на рыдающую дочь. Он вцепился влажной пальтерней в плечо племянника и, притянув его к себе, дыхнул в лицо жарко:

— Сына... позови.... Чамсурбека, — губы старика шевелились с наругой, исторгая из пылающего нутра корявые, отрывистые звуки.

— Чамсурбека..., — повторил он.

— Чамсурбека? — переспросил племянник и, с силой прижав к ране кусок скомканной ткани, сразу же прихватил его сверху свежим лоскутом.

— Да... Его... Сына хочу... увидеть.

Магомед-Эмин завернул ещё один оборот. Но, не дожидаясь, когда тот закончит перевязку, Вагид бессильно откинулся на спину. Его широко раскрытые глаза уставились в потолок:

— Сына позови. Чамсурбека, — прохрипел он вновь слабеющим голосом.

Весть о том, что старый Вагид, отец колхозного председателя, партийного активиста Чамсурбека, тяжело ранен своим кровником Омаром, разлетелась по селу очень быстро.

Омар был дальним родичем хана, который бежал из Страны Гор ещё в 20-м, вместе с утекавшими на юг, в Персию деникинскими войсками. Но сам он в Персию не ушёл, а прибилсЯ с братом Магомед-Курбаном к Нажмутдину Гоцинскому и долго бродил с его бандой по горам, налетая на гарнизоны, угоняя скот и убивая коммунистов.

Потом, когда Гоцинского разбила Красная Армия, братья явились в село с покаянием. Они держали речь перед всем джамаатом, клялись, что ханские родственники удерживали их в банде насильно, говорили, что не хотят больше воевать, а хотят лишь одного — просто жить и трудиться на своей земле. Их родня так же торжественно клялась в этом на годекане, где важно восседали аксакалы, а вокруг них толпились мужчины всего села. Старцы благосклонно внимали словам спустившихся с гор бандитов. Полуживые, с неподвижно застывшими, обветренными лицами, с развевающимися на ветру длинными космами белых бород, молчаливо торжественные, они близоруко шурили выцветшие глаза и одобрительно качали головами.

Возмущённо, с гневом смотрел Чамсурбек на стариков. Как они могли поверить словам Омара и Магомед-Курбана?! Как можно было их прощать?! Ведь это же убийцы! Все их слова, клятвы, покаяния — ложь! Никто их насильно в банде не держал — за Гоцинского братья воевали по доброй воле. Он знал это абсолютно точно, от одного горца из соседнего села, который тоже был у Гоцинского, но затем явился к красным с повинной.

И эти убеждённые сединами, важные старцы, которых он когда-то искренне почитал, казались ему теперь несправедливыми, бесчестными. Как и все эти обычаи, позволявшие оставлять преступления без наказания. Но что мог он им тогда возразить — семнадцатилетний горский парень, стоящий на годекане в задних рядах и тянувший шею из-за спин взрослых мужчин?! Им — уважаемым всеми аксакалам?!

Перед глазами Чамсурбека живо вставали обгорелые стены домов с провалившимися крышами, с зияющими смрадной чернотой окнами. Душу вновь обжигали дикие, затравленные взоры женщин из дальних

горных аулов. И всплывал в памяти истерзанный труп русского красноармейца, найденный как-то на перевале.

Он ходил проводником с отрядами красных, которые преследовали бандитов. Чамсурбек хорошо запомнил тот перевал. Через него в долину уходила разбитая банда, и уводила с собой захваченного накануне пленного. Здесь же, на этом перевале, того допрашивали, мучая жестоко, остервенело, смакуя лютую пытку. Кололи лезвиями кинжалов, выламывали руки, кромсали пальцы и уши. А потом, натешившись вдоволь, хладнокровно перерезали худую, бледную, захлёбывающуюся криком глотку. И бросили изувеченное, стынущее тело тут же, на шершавых мо-гучих камнях.

Действительно ли они хотели что-нибудь выпытать из этого русо-волосого крестьянского парня, призванного «в солдаты» откуда-нибудь из Тверской губернии, или просто вымещали злобу, свирепо мстя за свой разгром? Да и что он мог им сказать — рядовой боец, недавно попавший в горы?

Поднявшись на перевал, красноармейцы спешили, и, снявши бу-дённики, стояли возле трупа — хмурые и молчаливые. Кто-то из них перекрестился украдкой.

— Санька это, кажись, — произнёс негромко один из бойцов, уткнув скорбный взор в замученного. — Санька Васильев...

Чамсурбек стоял среди них и долго смотрел на изуродованное, уже обклёванное грифами тело. И представились ему горбоносые, заросшие клочковатыми бородами горцы-бандиты, которые мучили этого по не-счастью попавшегося им в лапы бойца. И их озверелые, распалённые лица, опьяневшие от крови, когда они медленно лишали человека жизни.

«Подлые, жестокие твари! — подумал он. — Да какие же вы муж-чины?! Какие вы мусульмане?! Ведь молитесь все, в мечеть ходите, ли-цемеры! А потом убиваете вот так именем своего Аллаха!»

С той поры он бросил молиться сам. И постепенно перестал верить в бога.

Окоченелый труп подняли, завернули в бурку и перекинули через конское седло. Тщательно прикрутили к нему верёвками, чтоб не сва-лилось, и поскакали дальше, в долину, куда ещё ночью быстро-быстро утекли остатки разбитой банды.

Не зря Чамсурбек не верил прощённым братьям. В 30-м в колхоз они не пошли — были кулаками, на них горбатилась едва ли не вся сельская беднота. Комбед постановил их раскулачить и выселить прочь из Страны

Гор, в жаркие пропылённые пустыни Средней Азии. Обоих, вместе с семьями. Пожалели только их мать — она была слишком стара и слаба, и не выдержала бы долгой дороги. Ей позволили остаться в селе.

Но Омар и Магомед-Курбан, перерезав ночью всё своё стадо в две сотни бараньих голов — лишь бы не досталось ненавистным «советам» — убили тогдашнего председателя колхоза и снова ушли в горы.

Их преследовали — родня убитого и Чамсурбек вместе с ними — второй, оставшийся в селе коммунист. Настигли на следующий день, возле глухого извилистого ущелья. Братья, прижатые к пропасти, за-сели за камнями у крутого обрыва и отстреливались ожесточённо.

Подползавшие к ним со всех сторон люди что было сил вжимались в землю, разрывая в клочья одежду об острые камни, и вздрагивали судорожно, слыша над собой свист пуль. Стреляли в ответ быстро, едва прицелившись, украдкой приподнимая головы.

Один из них — сын убитого председателя Сагид — вдруг охнул громко, выпустил из рук винтовку и, схватившись за простреленную грудь руками, ткнулся искаженным от боли лицом в каменистую, пыльную почву.

— Аллах Акбар! — радостно взревел Магомед-Курбан и на мгновение высунулся из-за валуна.

Этого хватило, чтобы меткий выстрел Чамсурбека свалил его на месте. Омар же, глянув на упавшего брата, изрыгнул страшное проклятье, бросил винтовку и ринулся с обрыва вниз, прыгая с уступа на уступ, словно тур. Спустившись в мгновение ока к реке, он стремительно бросился в бурные воды Койсу. Со всей страстью отчаяния цепляясь за жизнь, он сумел перебраться через бурлящий, пенящийся поток. Сверху, с уступа вслед ему хлопали выстрелы, но пули лишь шлёпали по воде, не доставая его. Омар выбрался на противоположный берег и, резко бросаясь на ходу из стороны в сторону, опрометью побежал прочь, вниз по извилистому руслу.

Выпустив безрезультатно всю обойму, Чамсурбек скрипнул зубами и в бессильной ярости провожал его взглядом до тех пор, пока тот не скрылся из виду. Затем опустил винтовку, отвернулся и пошёл назад, туда, где, распластавшись на нагретых солнцем камнях, лежал убитый им бандит. Присел возле него на корточки, дотронулся до изорванного, в репьях бешмета, провёл рукой по одежде, ощущая под ней уже неживое, но ещё тёплое тело. Короткая, щетинистая, задранная кверху борода была заляпана кровью, густо вытекавшей из простреленного лба...

Сына звать не пришлось. Внизу в этот миг громко хлопнула входная дверь, и он вбежал в саклю сам — ошеломлённый, потерянный. Задержался на мгновение на первом этаже, где держали скот, тяжело дыша, шаря глазами по неровным каменным сводам, готовя себя к тому страшному, что предстоит увидеть через мгновенье.

Затем по крутой лестнице ринулся наверх, на второй этаж, где жили люди. Шумно выдохнув, обвёл комнату расширенными, налитыми кровью глазами. Его косматая, со свисающими ключьями тёмной овечьей шерсти папаха была сдвинута на затылок, обнажая высокий, прорезанный морщинами лоб.

Увидев Чамсурбека, все замолчали.

Не снимая сапог, на подошвах которых комьями налипла грязь, он быстро подошёл к отцу. Опустился на пол, рядом с ним. Дотронулся дрогнувшей рукой до плеча.

Вагид повернул к нему лицо. Руки с липкими от холодного пота ладонями потянулись было к сыну, но безвольно упали на пол, едва коснувшись края его одежды. С уст старика слетел болезненный стон.

— Это он? — спросил Чамсурбек.

Отец приподнял голову и силился что-то произнести, но лишь захрипел, и его лицо исказилось гримасой мучительной боли.

— Да. Он, — ответил за него Гаджи-Али. — Это Омар. Он тайно вернулся в село.

Вагид попытался снова что-то сказать, но из его рта вновь вырвались одни лишь хрипы, и на перекошенных губах запузирилась кровавая слюна.

— Никто не знал, что он здесь. Твой отец с утра шёл на колхозную пасеку, и на окраине села случайно встретил Омара. Тот пробирался тайком, хотел тихо уйти. Он к матери ночью приходил. Вагид узнал его, и Омар бросился на него с кинжалом...

В этот момент старик с усилием приподнялся на локтях вновь и, устремив свои глубокие, предсмертно мутнеющие глаза на Чамсурбека, выдавил с силой:

— Я был безоружный. Винтовку оставил... На пасеку шёл...

Вагид был известным в округе пчеловодом. Давно, ещё при царе он собирал осенью со своей пасеки богатые урожаи и ездил продавать мёд по всему округу, бывал даже в Темир-хан-Шуре и Петровске.

— Подлый тухум... подлые люди....., — произнёс Гаджи-Али.

Повязка из простыни, которой Магомед-Эмин наскоро перемотал Вагиду живот, густо побагровела, напитавшись кровью.